

НОЧЬ ТРЁХ ЛУН

— Эр Циния —

Эр Циния

Ночь трёх лун

<https://litres.ru/73941268>

SelfPub; 2026

Аннотация

Зимняя Моровка безмолвна. Ульяна приезжает, чтобы навестить тётушку Люту, которая живёт в глухой деревне. Девушка не ждёт чудес от поездки и проводит тихие дни за чтением старых книг. Однажды, среди книг на полке, она находит в шкатулку из морёного дуба, которая заперта на ключ. Ночью Люта рассказывает девушке историю необычной находки, которая изменит всё.

Это история о том, как дружба превращается в одержимость, как жизнь и смерть переплетаются, оставляя следы на долгие годы. Шкатулка, ржавая подкова, проклятие и тайна, которую нельзя похоронить. Три луны, поднявшиеся в небо над Моровкой, стали свидетелями того, как любовь может стать проклятием, а прошлое никогда не уходит.

«Ночь трёх лун» — вторая книга цикла о Моровке. Здесь прошлое говорит голосами тех, кого мы потеряли и тишина никогда не бывает пустой.

Эр Циния

Ночь трёх лун

Глава 1. Шкатулка

Зима в Моровке была сонной. Ульяна поняла это на второй день, когда снегопад засыпал единственную улицу, а за окном завывал ветер. На третий день она перебрала все книги на полке. Некоторые из них были уже настолько старыми, что пыль въелась в страницы, у других пострадали только обложки, которые были выцветшими и местами потрескавшимися. Ульяна листала их без интереса, пытаясь выискать иллюстрации, но безрезультатно закрывала.

Тётушка Люта хлопотала по хозяйству: топила печь, ставила тесто, перебирала крупу. Она не мешала Ульяне сло- няться без дела и не пыталась её развлечь. Только иногда молча поглядывала из-за плеча и снова отворачивалась. Ульяна знала, что тетушка одинокая женщина, даже можно сказать замкнутая. Девушка никак не могла понять, разве можно прожить всю жизнь без друзей? Без семьи? Совсем одной. В глуши. Именно поэтому она и решила навестить Люту. И хоть тетушка не выказывала безмерной радости ее приезду, Ульяна знала, что женщина счастлива, что о ней помнят и ее навещают.

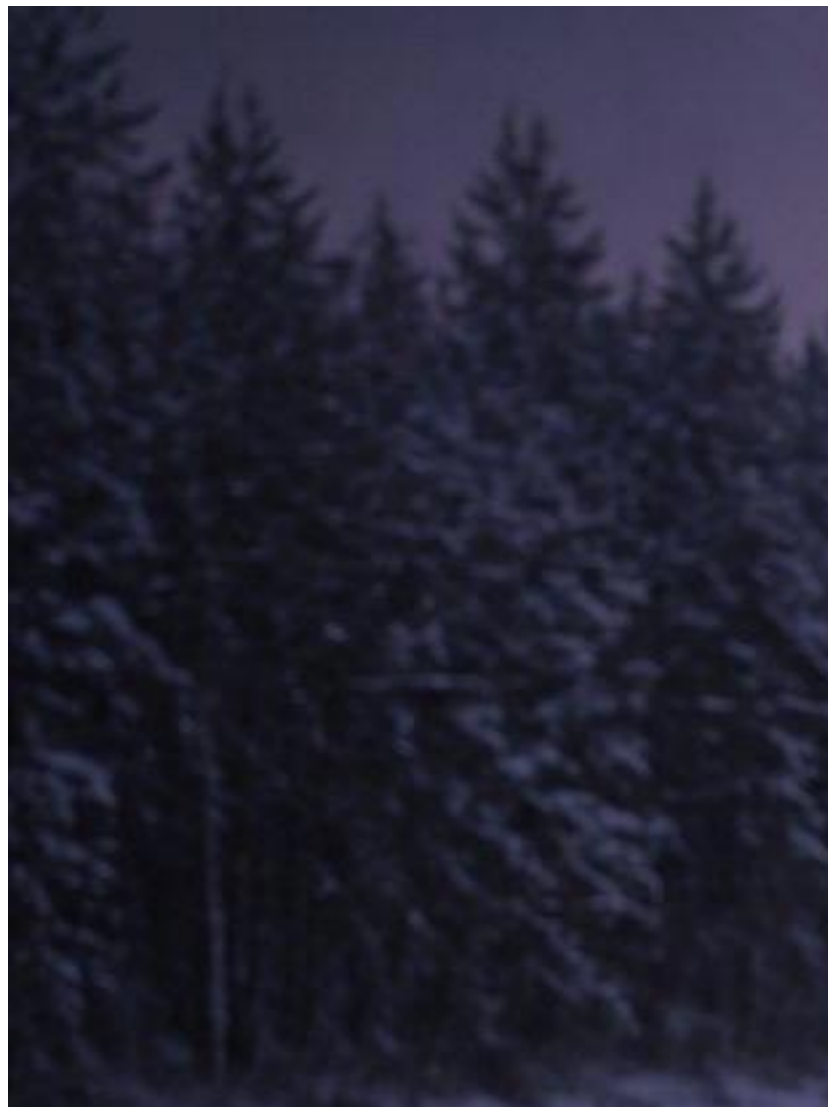
— Тётушка, — сказала Ульяна, накидывая шубейку, — я пойду погуляю.

— До темна не ходи, — ответила Люта, даже не обернувшись.

— Я просто до пруда.

Люта промолчала. Ульяна вздохнула и вышла за дверь.

Морозный воздух ударил в нос. Девушка поёжилась и пошла, поскрипывая снегом, по пустой улице мимо домов с закрытыми ставнями, мимо заснеженных садов, мимо собак, которые сейчас даже не лаяли. Мороз уже начал щипать щеки, когда девушка дошла до замерзшего пруда, который был засыпан снегом так, что было невозможно понять, где заканчивается берег и начинается лед. Ульяна остановилась, глядя на белую равнину, и вспоминала как приезжала сюда прошлым летом. Тогда здесь кружились голубые стрекозы, и солнце отражалось в их крыльях разноцветными искрами. Сейчас здесь было пусто и холодно. Она постояла немного, пряча нос в воротник, и повернула обрат-

У самого дома её взгляд упал на сухую щучью челюсть, с мелкими острыми зубами, висевшую прямо над входом. А рядом с ней пучок засушенного чертополоха. Летом девушка не замечала его, тогда тот был ещё зелёным и цветущим. А впрочем, он всегда рос вокруг дома тетушки, и был колючим с лиловыми шапками цветов.

Она вошла в дом, стряхнула снег с варежек, повесила шубку на гвоздь. Люта возилась у печи.

— Тётушка, а зачем вы чертополох над дверью вешаете?

Люта замерла на секунду, потом продолжила мешать тесто.

— Так надо, — сказала она просто.

Ульяна хотела спросить что-то ещё, но посмотрела на лицо тётушки и передумала. Она прошла в горницу, села на диван, огляделась. Дом был старым, но Люта старалась сохранять в нём уют. На стенах висели выцветшие картины в деревянных рамках, половики были раскинуты на полу, а в углу стояла деревянная полка с книгами. Ульяна уже рассматривала их вчера. И позавчера. Но сегодня ей вдруг захотелось перебрать их снова. Она подошла к этажерке, провела пальцем по корешкам. Старые романы, справочник по травам, потрёпанный молитвослов. На нижней полке лежал альбом с затертой обложкой. Ульяна вытащила его, присев на край кресла, открыла. Внутри были черно-белые фотогра-

фии с пожелтевшими краями. В центре одной из них красовалась молодая тетушка Люта, Ульяна узнала её по внимательному взгляду, уже тогда он был грустным. Рядом стояли незнакомые люди: женщины в платках, мужчины в пиджаках, дети с серьёзными лицами. Она, не торопясь, перелистывала страницу за страницей. А потом замерла, глядя на портрет, нарисованный карандашом. Красивый мужчина со смоляными волосами и густыми изогнутыми бровями. От портрета исходила тоска, которая чувствовалась в рисунке, даже сквозь штрихи.

«Кто это?» — подумала Ульяна.

Она хотела спросить у Люты, но взгляд её зацепился за что-то необычное, стоящее на верхней полке, среди книг. Тёмное дерево с резными узорами. Это...шкатулка? Ульяна не замечала её раньше, потому что она стояла в тени, скрытая высоким корешком справочника. Но сейчас, когда она сдвинула книги, шкатулка открылась взгляду целиком.

Ульяна взяла её в руки.

Древесина была тяжелой. Девушка провела рукой по крышке, на которой был вырезан цветок чертополоха. Узкая прорезь для ключа. И никакой ручки, никакого намёка, как открыть без ключа.

— Тётушка! — позвала Ульяна. — Что это?

Люта вошла в горницу, вытирая руки о фартук. Увидела шкатулку в руках Ульяны, и замерла.

— Положи на место, — сказала она тихо.

— Что внутри?

— Положи на место, Ульяна.

Голос Люты был ровным, но Ульяна почувствовала, что за этой ровностью что-то таится.

— Тётушка, — Ульяна не убирала руку, — Почему вы никогда её не показывали?

Люта посмотрела на неё долгим и тяжёлым взглядом. Потом перевела глаза на шкатулку.

— Там память о дорогом мне человеке.

У Люты был родной человек? Разве она не всегда жила здесь, ни с кем не общаясь?

— Расскажите?

Ульяна хотела спросить ещё, но Люта подняла руку.

— Не сейчас, — сказала она. — Вечером, когда стемнеет, я зажгу камин. И расскажу. Если хочешь слушать.

— Хочу, — выдохнула Ульяна.

Люта кивнула, взяла из её рук шкатулку, поставила на место. Поправила, будто проверяла, не сдвинулась ли. И покинула комнату.

Камин разгорался медленно. Люта молча подкладывала дрова, поправляла кочергой угли. Ульяна сидела в кресле напротив, прижав колени к груди, в ожидании рассказа. Что-

что, а слушать она любила.

— Ты спрашивала про шкатулку, — сказала наконец Люта. Она повернулась и в ее глазах отражалось пламя. — Я расскажу. Но ты должна понять: некоторые вещи лучше не трогать.

Ульяна кивнула.

Люта села в кресло напротив, поправила шаль на плечах, посмотрела на огонь.

Глава 2. Дружья детства

— Я еще никому этого не рассказывала. Моя история полна тайн и загадочна, как и сама Моровка. Должно быть, она оставит неизгладимый след, как и в моей душе. — Тихо начала Люта, языки пламени от камина блеснули в её глазах.

— Тетушка, мне очень интересно! Рассказывай же, не томи. — Торопливо проговорила Уля, устроиваясь поудобнее, предвкушая, что рассказ будет долгим.

— Это случилось давно. Захар был первым парнем на деревне. Копна смоляных волос, густые изогнутые брови и волевой подбородок. К счастью, он не осознавал своей красоты, наверное, поэтому был хорошим и добрым парнем. И милее прочих, на всём белом свете, для него была Злата. Он сам не понимал, что в ней особенного, но она была для него — всем. Все школьные годы встречались, не зная никого иного. И по выпуску сразу сделал он ей предложение. О такой любви говорят — большая.

Были у Захара друзья. Макар рос хулиганом: рыжий, круглолицый, с веснушками, рассыпанными по щекам, и озорными голубыми глазами. Обаятельный, улыбчивый, он легко сходился с людьми, и девушки липли к нему, как мухи на мёд. Ему нравилось их внимание, но выбрать одну и любовь с ней строить ему было скучно, быстро остывал. Назар же был самый тихий и спокойный из друзей, с каштановыми волосами и чёрными глазами, которые смотрели на мир настороженно. Красивый, но девушки обходили его стороной не из-за внешности, а из-за излишней застенчивости, которая делала его невидимкой в любой компании. Ему очень хотелось быть таким же красивым и смелым как Захар, и таким же обаятельным, как Макар, чтобы наконец-то встретить свою первую любовь.

Одним душным летним вечером друзья слонялись по деревне, от пруда до окраины, и набрали на старую покосившуюся из-

— Эй, парни, смотрите! — Привлѣк внимание Макар, указывая на заброшенный дом.

— И? — Скучаяще спросил Захар, потирая шею ладонью.

— Что и? — Цокнул Макар. Он обошел друзей со спины и закинул руки на их шеи. — А не кажется ли вам, что это та самая хижина?

— Какая хижина? — Спросил Назар и в его чѣрных глазах мелькнуло недоумение. Захар тоже непонимающе вскинул брови.

— Да что с вами такое? — Нервно дернулся Макар. — Это же дом деда, про которого старухи на лавках шепчутся, мол украл чужую вещь и к нему сам черт стал являться. — Он иронично произнёс последние слова, рассмеявшись. — Юродивый такой был, помните?

— Это которого нашли мѣртвым в собственном доме? — Припоминая, спросил Назар. — Который прихрамывал еще на одну ногу?

— Да-да, именно он!

— И что с того? Дед от старости умер, а вы, не хуже престарелых женщин, их сплетни мусолите. — Парировал Захар усмешкой.

— Как что? Давайте в него проберѣмся? — Предложил Макар и по-заговорщически улыбнулся.

— Да зачем нам это нужно? Скоро стемнеет и все на танцы пойдут, там куда интереснее будет. — Назар говорил тихо.

— Это тебе там интереснее будет. — возразил Макар, ле-

гонько ударив по козырьку кепки Назара. — А нам с Захаром хочется хижину изнутри рассмотреть, может, даже что-то забрать.

— С чего это ты взял, что мне это нужно? — твёрдым голосом сказал Захар, скрестив руки.

— Да брось ты, — продолжил Макар, веснушки на его лице придавали ему мальчишеский задор. — Златка никуда не денется, если мы на пару минуточек осмотрим внутреннее убранство хижинки. А потом сразу к ним пойдем.

Назар будто выдохнул после этих слов. Перед каждым вечером танцев он мечтал, что в этот раз точно потанцует с какой-нибудь прехорошенькой девушкой. Даже сейчас, услышав, что они всё-таки пойдут туда, он уже мысленно предвкушал начало вечера. На миг он представил, как кто-то смотрит на него в упор, не отводя взгляда, в его чёрных глазах загорается ответный свет, и он наконец не кажется себе невидимкой.

— Не говори так о ней. Что значит «не денется»? — Возразил Захар. — Не хочется мне по хижинам шастать. И тем более что-то оттуда брать.

— Да давайте зайдём, ненадолго, — Назар склонился на сторону Макара, лишь бы поскорее наступил вечер.

Захар кинул на него удивлённый взгляд, затем перевёл его на Макара. Тот с расплывшейся улыбкой подбежал к почти завалившимся воротам и уже было успел схватиться за ручку, как над его головой покосилась подкова, продолжая бол-

таться из стороны в сторону. Он на это не обратил внимания, толкнул дверь, но она не поддавалась. Тогда Макар начал толкать её сильнее. И сильнее. В конце концов ему пришлось навалиться всем телом, чтобы она открылась. Он взъерошил рыжие волосы взмахом руки и с перекошенной улыбкой сказал:

— Добро пожаловать!

Захар нехотя вошёл последним. Снаружи хижина казалась гораздо больше, чем внутри. Затхлый запах ударил в нос, и Захар, сморщившись, притянул футболку к лицу. Половицы скрипели от быстрых шагов Макара по старой избе, судя по открытым ящикам, он успел заглянуть в большую их часть. Назар остановился у старой чёрно-белой фотографии, углы которой уже знатно поистрепались.

— Глядите, — сказал Назар. — Наверное, это местный колдун.

Друзья уставились на фотографию, разглядывая черты лица старика.

— Дед, как дед, — подытожил Макар. — Что-то пустовато в его лачуге, бедняком был что ли? Я рассчитывал увидеть колдовские атрибуты. Думал, может, он травы собирал, да склянки с зельями коллекционировал.

— Посмотрели? — нетерпеливо спросил Захар. — Пойдёмте уже. Нечего нам тут делать.

— Да, Макар, пойдём, — присоединился Назар. — Уже темнеет.

— Ой, ладно-ладно, пойдёмте, только не нудите! — Сдался Макар.

Первым вышел Захар, прищурился, отряхнул футболку, казалось, пыль теперь повсюду. За ним, закашливаясь, выбрался Назар, он опустил руки на колени, пытаясь прочистить нос. С громким скрипом Макар потянул дверь на себя. Дверь захлопнулась, и он почувствовал резкую боль на макушке, сразу после глухого звука. Приложив пальцы к голове, Макар ощутил, что под волосами набухает шишка. Он медленно обернулся. На земле лежала подкова. Парень схватил её со злостью, чтобы швырнуть в высокие кусты, но Захар, зная пылкий нрав друга, перехватил его руку.

— Ну-ну, тише, — попытался успокоить Захар друга.

— Больно вообще-то! — раздражённо крикнул Макар, его голубые глаза метнули молнию.

— А нечего по чужим хижинам лазать. — Возразил Захар, осматривая подкову в руках, она была ледяной, отчего-то холодок прокатился и по его спине.

— Да там пустяк, — рассмеялся Назар, чёрные глаза его чуть оживились, будто он уже переключился на предстоящий вечер. — Не устраивай трагедию. Давайте зайдём домой перед танцами, не хочется туда заявиться в таком виде. — Поспешил переключить разговор он.

— Да это далеко, пока доберёмся, все уже разойдутся, — Сказал Макар, прикладывая пальцы к макушке.

— Это всё потому, что ты нас в избу эту проклятую по-

ташил! Стоило оно того? — Раздосадовался Назар, ему не хотелось упустить сегодняшний шанс.

— Ладно, парни, я вам ещё не говорил. Хочу Златку замуж позвать, — Засмутился Захар, его смоляные волосы блеснули в закатном солнце.

Назар расплылся в улыбке, похлопал его по спине.

— Всё-таки боишься, что куда-то денется? — Подколол его Макар.

— Нет, — Ответил ему Захар. — Просто люблю её сильно. Зачем тянуть?

— Да не слушай ты этого дурака! — Вмешался Назар, стараясь поддержать друга.

— Так, а чего ты вдруг решил нам это сказать? — спросил Макар, натягивая маску безразличия на лице.

— Сейчас покажу, здесь недалеко! — Захар жестом пома-нил парней за собой, а сам пустился за поворот.

Свернув с пыльной дороги в переулок, а затем пройдя заросли густой травы, он выбежал на берег пруда.

— Где мы? — Скорчив лицо, Макар пытался отдышаться.

— Захар, мы не понимаем, — Сбитым дыханием спросил Назар.

Захар подошёл к дому, от которого пахло смолой, приложив руку к деревянному срубу, он занял позу, которая при-суща победителям.

— Видите? — Воодушевлённо спросил он.

— Видим дачный домик, который построили зажавшие-

ся приезжие. Чему радоваться? — Всё ещё без настроения спросил Макар.

Захар бросил подкову на бетонную плиту у дома и гордо заявил, оперевшись рукой на свежие бревна:

— Это я с дядей Михеем построил! — Гордо заявил Захар.

От изумления парни растерялись, переглянулись. Искренняя улыбка Назара столкнулась с суровым недоумением Макара.

— С отцом Златы? — уточнил Макар.

— Да.

Назар приблизился к избе и принялся кружить вокруг неё, рассматривая.

— И на кой ляд тебе эта изба? — спросил Макар.

— Когда мы только начинали дружить со Златой, она приводила меня на берег этого пруда. Мы проводили здесь много времени. Как-то она сказала, что мечтает, чтобы окна её дома выходили на пруд, ведь его водная гладь хранит безмятежность, и на такой же сосновый бор, чтобы можно было встречать и провожать яркое солнце. Я подумал, что во что бы то ни стало построю для неё этот дом! Тайно обсудил это с её отцом — и готово! — Он раскинул руки в стороны и самодовольно прищурился, словно ожидая аплодисментов.

Назар, оббежав дом, подлетел к другу и ударил пять. За ним подошёл Макар, пожал руку, а затем под мужское ликование они подхватили Захара и понесли прямо на стеклён-

ную веранду.

— Ладно-ладно, пустите меня! Опоздаем. Пойду хоть лицо от пыли умою.

Ульяна сидела, прислонив голову к ладони и внимательно ловила каждое слово Люты.

— Тетушка, — вдруг прервала рассказ Уля. — А в том доме правда колдун жил?

— Много поверий люд сочинил, говорили разное, но чаще всего о том, что еще юнцом забрел он куда не следует и взял себе то, что ему не предназначено, тем самым накликнул на себя беду. — Предостерегающим тоном продолжила Люта.

— Какую беду? — Испуганными глазами уставилась Уля на тетушку.

— Поговаривали, что юнец тот вещь украл, которая ему не принадлежала у колдовки. За то к нему черт и повадился. Безопасна она была, пока в чужие руки не попала. Владелец изменился, и заклятье колдовки перестало над чертом власть иметь. Вот так вот.

— Тетушка, а что за вещица это была?

— Перстень золотой. И взял он его нечисто, с руки покойника. Поэтому нечисть к нему и повадилась. Как выяснилось позже, юнец тот, начал колдовство изучать, спустя много лет, ухитрился того черта заточить, да только не в перстне уже, чтобы соблазна другому не было украсть его, а в обычной подкове.

— Ой, тетушка... — Воскликнула Уля, связав события. —

Что же теперь будет?

— А ты слушай дальше, милая. — Люта продолжила. — В тот же вечер, на танцах, позвал Захар Злату замуж. Ох и визгу девчачьего было на всю округу! Так радовались за подругу девушки. Свадебку быстро сыграли. Хорошая свадьба была, громкая, как полагается. Уж нестерпимеж им было поскорее жить вместе начать, так сильно их друг к другу тянуло. А когда Злата узнала, что Захар для них и дом построил, в месте, о котором она мечтала, так и вовсе чуть под облака от счастья не взлетела. Но держал он ее крепко. — Речь Люты стала сбивчивой, словно она старается перейти к самой сути, при этом не упустив ничего важного.

— Ах, какая же у них сильная любовь. — На восхищенном выдохе произнесла Уля, было заметно, что она о чем-то невольно замечталась.

— Да, красивая... — Печально вздохнула Люта. — Казалось, от их счастья вся деревня тоже счастьем светилась. И хоть многие девки на черноволосого Захара засматривались, ни одна не решилась бы разрушить их семью, не из уважения к Злате, а потому что не смотрел он больше ни на кого, кроме возлюбленной своей. Злые языки тоже толки водили, что мол столько девиц красных вокруг, а Захару свет клином сошелся на этой. Даже слух пускали, что Злата его присушила на Зеленых Святках, практикуется у нас такое, знаешь.

— А она могла? — Озадачилась Уля.

— Нет, конечно. — Возразила Люта тоном, по которому

стало ясно, что от чего-то задел ее вопрос девушки. — Доброе у нее сердце было, ласковое. Такому подлому поступку не было в нем места. С самого малолетства росли они с Захаром плечо к плечу. На десятилетие Злате Захар подарил пёстрого котенка, которого она назвала Мурёнкой. И стала она им вечной спутницей, везде свою ласковую кошечку брала Злата с собой. Не выпускала из рук. Захар даже ревновал поначалу, по-детски, но потом и сам к ней проникся нежностью. Так и выросли они вместе. Чем становились старше, тем сильнее крепла их связь и в итоге она переросла в любовь большую между молодыми людьми. Эх, знать бы тогда, чем это счастье обернётся...

Глава 3. Чёртовый вихрь

Люта глубоко вздохнула и поднялась, чтобы поправить ко-чергой дрова в печи. По стенам затанцевали длинные, дрожащие тени. Уля молчала, боясь спугнуть тишину, повисшую после слов тётушки. Она сидела, обхватив колени руками, выжидая, когда Люта продолжит. Тетушка не спешила возвращаться в кресло, она молчаливо смотрела как языки пламени обхватывают новые поленья. Тишина стала почти невыносимой и даже треск от печи уже не мог ее заглушить, тогда Ульяна, не выдержав, спросила:

— Что было дальше?

Люта перевела печальные глаза на девушку, присела возле печи и продолжила:

— Свадебное веселье стихло. Молодые обживали новый дом, Мурёнку первой в него пустили, как полагается. Злата каждое утро выходила на веранду смотреть, как лучи солнца касаются водной глади. Только подкову ту, что Захар тогда бросил у порога, она так и не убрала. Всё собиралась, да руки не доходили. А Захар, бывало, выйдет ночью на крыльцо, посмотрит на подкову и вздрогнет. Ему всё казалось, что от нее холодом веет, даже в самый жаркий день. Дружно жили, мирно.

Одним июльским вечером немного раньше условленного часа Макар пришел к порогу дома за друзьями. Захар со Златой еще собирались на танцы, девушка что-то искала в доме, а Захар, судя по голосам, помогал ей, и оба то и дело смеялись. Макар уже пожалел, что пришел раньше времени. Он сел на крыльцо, свесив ноги, и лениво наблюдал, как закатное солнце золотит верхушки сосен. «Вечно эти влюблённые...» — подумал он и уже хотел крикнуть, чтобы поторопились, как вдруг его внимание привлек грохот. Он был похож одновременно и на раскат грома, и на треск горящих деревьев, и на завывание ветра. Макар поднял голову. Вдалеке, за сосновым бором, там, где небо уже темнело, плясало пламя. Оно взметалось вверх, извивалось, будто живое, и вместе с ним кружился воздух, отчего-то он был видимым, плотным, закручиваясь в воронку, сливался с огнём в единый, пульсирующий танец. Грохот повторился, и огонь взметнулся выше, освещая макушки сосен. Макар прищурился, что-

бы лучше рассмотреть, что там происходит, взору не за что было зацепиться в этом быстро сменяющемся хаосе. Хлопок. Черный дым повалил клубьями в разные стороны, а прямо в центре, теперь виднелся черный силуэт, Макар вперил в него взгляд и ему показалось, что *он* тоже смотрит на него.

— Захар! — Макар вскочил. — Захар, иди сюда!

Захар выбежал на крыльцо, на ходу застёгивая рубаху.

— Чего ты? — Он проследил за взглядом Макара. — Что там?

— Ты не видишь?! — Макар указал рукой. — Там... там..!

Захар прищурился, вглядываясь вдаль.

— Где? — переспросил он спокойно. — Ничего там нет.

Макар обернулся. За прудом было тихо. Сосны стояли неподвижно, закатное солнце догорало ровным светом. Ни пламени, ни вихря, ни грохота. Он растерянно моргнул.

— Только что было...

— Ты чего? — пожал плечами Захар. — Хочешь, чтобы мы поторопились? Просто сказал бы.

— Да нет, я видел! — Макар всё ещё всматривался в горизонт. — Прямо там, за сосняком... А что там вообще?

— За сосняком? — Захар усмехнулся. — Кладбище там, старое. Уже не хоронят.

— Кладбище? — Макар вздрогнул. Ему показалось, что ветер донёс оттуда странный, тягучий звук, но тут же стих.

— Ага. — Захар хлопнул друга по плечу. — Да не смотри ты туда. Пошли, Злата уже готова.

В дверях показалась улыбающаяся Злата. Она стояла в светлом платье, с лентой в коротких светлых волосах.

— Идёмте, а то опоздаем, — сказала она, и Захар, забыв про всё на свете, подхватил её под руку.

Макар ещё раз оглянулся на сосновый бор. За ним было тихо. Он помотал головой, прогоняя странное ощущение, и пошёл следом.

Танцы были в самом разгаре, когда они вошли в душевное помещение, где гремела музыка. На импровизированной сцене мигала самодельная цветомузыка из трёх лампочек, окрашивая танцующих в красный, синий и зелёный. Девушки в ярких платьях кружились в центре, парни толпились у стен, набираясь смелости.

Злата сразу утянула Захара в танце, и они закружились, глядя друг на друга и не замечая никого вокруг. Макар прислонился к стене. Наблюдая, за плавными движениями девушек, он все еще размышлял о том, что довелось ему увидеть, думая, не повредился ли его рассудок.

Назар стоял в углу, как и всегда, еле заметно и тихо. Но в нем были какие-то перемены. Как будто ему перестали быть интересны танцующие, он смотрел то на настенные часы, время на них приближалось к полночи, то на дверь.

— Назар! — Окликнул его Макар, но тот не услышал из-за грохочущей музыки. А через минуту, когда Макар отвлёкся, чтобы найти глазами ребят, Назара уже не было.

«Куда это он?» — подумал Макар.

Он оглядел зал. Захар и Злата, смеясь, выбежали на улицу. Макар успел заметить, как они направились к озеру, где покачивались старые лодки. «Ну, эти хоть не пропадут», —

усмехнулся он.

А Назара нигде не было. Макару стало любопытно. Он вышел из клуба, огляделся. В ночной темноте мелькнула знакомая тень, сворачивающая к тропинке, что вела к Шепчущей Пади.

«Чего это он *туда* попёрся?» — Макар, сам не зная зачем, двинулся следом.

Он шёл осторожно, стараясь не шуметь. У самой воды, в зарослях ивняка, он увидел Назара. Тот стоял, протянув руки к кому-то, кого Макар не сразу разглядел. А потом заметил девушку. Чёрные волосы струились по плечам, платье казалось серебристым в лунном свете. Она что-то говорила Назару, и тот заворуженно слушал.

Макар не стал подходить ближе. Ему вдруг стало неловко, будто он подглядывает за тем, что не должно видеть. Он тихо вернулся на тропинку и пошёл обратно к клубу, но по пути, почувствовал себя плохо. Голова закружилась, в ушах зашумело, и перед глазами снова мелькнул тот чёрный силуэт. Парень, сам не понимая как, свернул домой.

Утром следующего дня, Макар застал друзей на веранде Захарова дома. Они пили чай, лениво переговариваясь. Внутри у него все клокотало от невысказанности и ... злости? Он, нарушив утреннее умиротворение, выкрикнул:

— Я видел, куда ты вчера делся, — небрежно бросил Макар, указывая рукой на Назара.

Тот вздрогнул, но промолчал.

— О, Макар, — Злата махнула рукой приветствуя его. — А мы как раз тебя ждали. — Добродушно сказала девушка. Он не отреагировал, с еще большей злостью в голосе, продолжил:

— К Пади ходил. С девушкой. — Выкрикнул Макар, покачиваясь на ногах, словно они его не могут удержать.

Захар напрягся и слегка подался вперед:

— Макар, ты что пьян? — Недовольно спросил хозяин дома. Он за руку притянул Злату и усадил ее на колени, поближе к себе.

— Ну, видел и видел, — Буркнул Назар, который до этого пытался делать вид, что не понимает о чем речь. Он покраснел, втянул голову в плечи, но улыбка тронула его губы.

Накал Макара, кажется, стал ослабевать, он поднялся на веранду и сел на то место, где до него сидела Злата. Назар был напряжен, пытаясь разобраться, что происходит.

— Красиивая, черноволооосая, — Протянул Макар, дрожащей рукой наливая себе чай в чашку, под которой образовалась лужица, но Макар ее будто не заметил. Тон его переменился, стал заискивающим. — Где ж ты такую нашёл?

— Да так... — Назар отвёл глаза. — Встретились случайно.

Захар и Злата переглянулись.

— Назар! — Захар хлопнул друга по плечу. — А ты молчал!

— Ну и что? — Злата улыбнулась, но в её голосе послы-

шалась мягкая тревога. — Ты хоть имя её спросил?

— Спросил, — Тихо сказал Назар. — Зовут... Лукерья.

— Красивое имя, — Кивнула Злата. Ее милое личико перекосило от усилий, которые она совершила, пытаясь, что-то вспомнить. — Только... будто знакомое... ты осторожнее там, у Пади. Место-то нехорошее.

— Да ладно тебе, — Захар махнул рукой. — Просто Макар от безделья за чужой жизнью следит, вместо того, чтобы свою строить, — Хохотнул он, подраживая того.

Назар рассмеялся, Злата прикрыла рот ладонью.

— Сам же подсмотрел, сам же и рассказываешь, — усмехнулся Захар.

— А что мне ещё оставалось? — Макар развёл дрожащими руками. — Вы все с танцев сбежали. Я хоть за Назаром проследил. Интереснее, чем одному торчать.

— Ну и как, интересно? — спросила Злата.

— Да так... — Макар взглянул на Назара. — Красивая она. Повезло тебе, Назар.

Назар улыбнулся, но ничего не ответил.

А Злата, глядя на ребят, вдруг подумала, что Макар сегодня не такой, как обычно. Точнее сказать, он всегда был язвительен и грубоват, но сегодня... А впрочем, решила она, что излишне подозрительна и не придала этому значения. Мурёнка заявила о себе, потеревшись бочком о ногу хозяйки. Та протянула к ней и руки, посадила к себе и они обе прижались к Захару.

Дождь барабанил по крыше дома. Злата проснулась от стука в окно. Захар нежно прошептал, прикоснувшись ее к щеке губами:

— Спи, я выйду.

Она, не открывая глаз, улыбнулась ему. Захар натянул вещи, лежавшие под рукой и широкими шагами открыл дверь.

Перед ним стоял Назар, мокрый насквозь, он не переставая млял кепку в руках, будто не решаясь сказать.

— Назар, ты чего чуть рассвет явился? Да еще и в такой ливень.

— Захар, — обратился он к другу, в его тоне была твердость. — Макар повесился.

Раздался раскат грома.

Глава 4. По ту сторону

Захар рванул в чем был, не разбирая дороги. Ботинки вязли в раскисшей глине, лужи ледяной водой обжигали щиколотки, но он этого не замечал. Всё, что он чувствовал, — это сердце, колотившееся в горле, и слова Назара, которые ещё не успели стать правдой. Он бежал, перескакивая через коряги, срезая углы, не разбирая дороги. Ботинок слетел с ноги где-то у лужи, он не остановился. Назар что-то кричал сзади, но слов было не разобрать, да и не до них было.

Он влетел во двор, распахнул дверь и замер.

Мать Макара сидела на лавке, обхватив себя руками. Её карие глаза, всегда такие добрые, сейчас смотрели в никуда, глубоко провалившись в глазницы. Отец стоял у стены, при-

слонившись к ней всем весом, будто без опоры рухнул бы на пол. Лицо его застыло мышечным слепком боли, обтянутым серой обвисшей кожей, и только челюсть ходила ходуном. В углу, на лавке под образами, лежал Макар.

Захар медленно подошёл к лавке, не слыша собственных шагов, остановился над телом друга и долго смотрел, не в силах поверить, что этот чужой, спокойный, неподвижный человек — его лучший друг Макар, который всегда смеялся громче всех, подбивал на глупости, подставлял плечо в драке. Которую сам же и развязал. А сейчас его лицо было бледным, губы синими, а на шее тёмный след.

— Я же говорила ему. Говорила: не ходи ты на это кладбище. — Голос женщины прервал воспоминания Захара — А он всё смеялся... — Она старалась не смотреть в сторону сына, наверное, не хотела запомнить его таким.

Захар медленно сел на лавку и, не в силах больше сдерживать дыхание, закрыл лицо руками.

— Началась подготовка к похоронам, и в первый же день Захар не вернулся домой. — прохрипела Люта, голос ее дрожал, то ли от долгого рассказа, то ли от тоски, которая таилась внутри женщины. — Он был с родителями Макара в этот тяжелый момент, стараясь поддерживать их, как это делал бы их сын. Причитания плакальщиц вызывали тягучий комок в горле, а когда он видел, как мать друга гладит сына по холодным рукам и что-то шепчет, будто он ещё может ее слышать, в глазах Захара появлялся мокрый блеск. Злата

боялась покойников с детства, поэтому приходила с наготовленной едой трижды в день, оставляла её у порога и ждала снаружи, обхватив себя руками. Но Захар не прикасался к еде. Он был холодным, отстраненным, словно он и не здесь вовсе, а в том страшном месте, куда ушёл Макар и откуда никому еще не удавалось вернуться.

На вторую ночь Захар остался у гроба. Таков был обычай: близкие люди и родственники сидели с покойным до первых петухов, считалось в народе, что душе страшно покидать тело и земной дом. Присутствие родных успокаивало ее, чтобы она не унесла тоску с собой и не стала являться живым. Захар и сам не знал, верит ли он во все это, но уйти не мог. Не хотел, чтобы Макар оставался один. Соблюдая традиции, зеркала в доме занавесили тёмной тканью, ворота оставили открытыми, печь не топили с утра. В доме стоял холод, и пар от дыхания Захара мешался с дымом свечи. Он сидел на лавке у стены. Смотрел на воск, который капал на пол, и слушал, как за окном протяжно воет собака. Захар вспомнил, что еще будучи маленьким, засыпая в кровати под заунывный вой пса за окном, взрослые на кухне говорили, что собака воет к покойнику. Но покойник уже был здесь. Может, к ещё одному.

Захар не заметил, как его начало клонить в сон и он задремал.

Разбудил его осторожный скрип, будто половица прогнулась под чьей-то босой ступнёй. Он открыл глаза. В комнате

ничего не изменилось: гроб, свеча, завешенные зеркала. И всё же что-то было не так. Все спали. Тени лежали плотнее. Воздух стал гуще.

Захар поднял глаза и холод прокатился по его спине.

Макар сидел в гробу. Спина прямая, голова чуть наклонена. Бледное, с синими губами, с тёмным следом на шее. Только глаза теперь открыты. И они смотрели прямо на Захара.

— Ты... — выдохнул Захар. Голос провалился в тишину.

Губы Макара шевельнулись. Медленно, словно разлепляясь.

— Он меня заставил.

Захар вжался спиной в стену. Зажмурился до белых искр под веками. А когда открыл глаза, Макар лежал, как прежде. Только голова чуть повёрнута вбок, будто в последний миг он пытался что-то рассмотреть за плечом Захара.

«Привиделось, — отмахиваясь потряс головой Захар. — Дурной сон приснился».

Но он знал, что обманывает сам себя. Это был не сон.

Свеча догорела. За окном прокричал первый петух. Захар вздрогнул, будто этот крик разбудил его по-настоящему.

В голове звоном раздались слова женщин, которые шептались вечером у гроба: «Если покойник за ночь не пошевелился — добрый знак, душа ушла. Если что-то было не так ...» дальше он не расслышал.

Захар ещё раз посмотрел на друга. Тот был неподвижен, как и прежде. Лицо спокойное, чужое, совсем не Макарово. Захар поднялся, постоял над гробом, глядя на сложенные руки, на тёмный след на шее, на закрытые глаза, которые час назад смотрели прямо в него.

— Прощай, друг, — сказал он шёпотом.

И рывком, будто выдирая себя из этого холода, вышел во двор. Предраассветный воздух пахнул в лицо сыростью и хвоей. С соседнего двора снова донесся крик петуха. Захар поёжился, будто его окатили холодной водой, и побрёл в сторону дома.

Захар подошёл к дому, когда небо только начинало сереть. Он не сразу заметил Злату, думая, что она спит. Но она сидела на веранде, забравшись с ногами в старое плетёное кресло, закутанная в плед. Мурёнка спала у неё на коленях, свернувшись в тёплый комок.

Он поднялся на веранду, опустился рядом с её креслом, прямо на пол, привалившись спиной к стене. Она ничего не спросила. Только высвободила руку из-под пледа и положила ему на плечо. Мурёнка, потревоженная движением, приоткрыла один глаз и снова зажмурилась.

Они сидели молча. За окнами веранды медленно разгорался рассвет.

— Я же сказал ему тогда, — голос Захара был хриплым, будто он долго кричал. — Сказал: «следишь за чужой жизнью, вместо того чтобы свою строить». А он...

— Захар, — Злата коснулась его руки, — ты не знал. Никто не знал.

— А если это из-за меня? — Он повернулся к ней, и в глазах его было столько боли, что у девушки сжалось сердце. — Если он из-за этих слов? Если я его...

— Не говори так. — Она прижалась к нему, чувствуя, как он дрожит. — Не смей.

— Знаешь, Макар мне говорил, что видел что-то вон там — Он указал в сторону старого погоста. — А сегодня ночью Макар... А в общем, неважно. — Он отмахнулся, не решаясь рассказать, что видел.

— Захар, ты ищешь оправдания его поступку. Тут нет никакой вины. Это решение он принял сам.

Но он уже не слышал. Он смотрел в темноту, туда, где за сосновым бором был погост, и думал о том, что друг ушёл, а он остался. И что эта вина теперь навсегда с ним.

Они просидели так до тех пор, пока со стороны деревни не донёсся первый удар колокола. Захар поднял голову. «Пора».

Утро было хмурым, а небо затянуло серой пеленой, и воздух стоял тяжёлый, будто сам мир замер перед тем, что должно было случиться.

Захар шёл к дому Макара и ещё издали увидел, как соседские бабы выносят лавки, на которых стоял гроб, и перевозачивают их вверх ножками. Одна из них, согнувшись, мела пол от порога вглубь дома, замывая след покойника, чтобы

не вернулся.

Гроб выносили ногами вперёд, чтобы мёртвый не запомнил дороги и не нашёл пути обратно. Захар встал в четвёрку, подставив плечо под край. Гроб был тяжёлым. Когда проходили через дверной проём, мужики придержали его, чтобы не задеть косяк, избегая дурную примету — к новой смерти. Но кто-то всё же качнулся, и край гроба глухо чиркнул по дереву. Все замерли. Старуха, стоявшая у крыльца, охнула и перекрестилась, неразборчиво зашептав. Захар ничего не сказал, только крепче сжал ручку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.